

В. С. КОРОВКИН

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ДОКТОРА А. ЧЕХОВА (к 120-летию со дня смерти)

Институт ПК и ПКЗ УО «Белорусский государственный медицинский университет», Минск, Беларусь

Описываются некоторые особенности истории болезни А. П. Чехова. Как это ни странно, но как раз врачи чаще других впадают в две возможные крайности. Они или переоценивают свои болезненные ощущения и симптомы, относя к себе все наиболее неблагоприятное, что знают из книг или практики про свою болезнь, или, наоборот, недооценивают то, что есть, отмахиваясь от самых, казалось бы, убедительных симптомов, стараясь обосновать свое отношение медицинскими доводами и соображениями. И то, и другое было у пациента А. Чехова, который страдал туберкулезом легких 20 (!) лет. И не только страдал, а в первую очередь напряженно творчески жил и плодотворно трудился, стал великим русским писателем.

Ключевые слова: А. Чехов, туберкулез легких, письма, воспоминания современников.

The article describes some features of the medical history of A. Chekhov. Strange as it may seem, doctors are more likely than others to fall into two possible extremes. They either overestimate their painful sensations and symptoms, attributing to themselves all the most unfavorable things that they know from books or practice about their disease, or, on the contrary, underestimate what they have, brushing aside the most convincing symptoms, trying to justify their attitude with medical arguments and considerations. Both were the case with the patient A. Chekhov, who had been suffering from pulmonary tuberculosis for 20 (!) years. And not only did he suffer, but first of all, he lived intensely creatively and worked fruitfully, becoming a great Russian writer.

Key words: A. Chekhov, pulmonary tuberculosis, letters, memoirs of contemporaries.

HEALTHCARE. 2024; 8: 71—80

CASE HISTORY OF DOCTOR A. CHEKHOV (on the 120th anniversary of his death)

V. S. Korovkin

У Александра Галича есть стихотворение, начинающееся так:

*Кошачьи лапами вербы
Украшен фанерный поток
Шампанского марки «Их штербе»
Еще остается глоток...*

Смысл этих строк понятен лишь тем, кто знает историю последнего дня жизни А. П. Чехова.

Чехов открыт каждому. Его творчество, озадаченное мудрой и горькой улыбкой гения, доступно любому человеку — стоит лишь протянуть руку к книжной полке, чтобы попасть в пестрый мир героев писателя, познать их страдания, радости и чаяния.

Рассказы, пьесы, повести Чехова — это произведения пророка, это история болезни, написанная врачом, поставившим обществу неутешительный диагноз, человеком, который сам страдал неизлечимой в то время болезнью (и от которой обычно умирали в первые 5 лет) в течение 20 лет! И не только страдал, а в первую очередь напряженно творчески жил и плодотворно трудился.

Этому жизненному подвигу великого русского писателя и посвящена статья.

Тем обстоятельством, что Чехов был врачом, объясняются и некоторые особенности истории его болезни. Как это ни странно, но как раз врачи чаще других впадают в две возможные крайности. Они или переоценивают свои болезненные ощущения и симптомы, относя к себе все наиболее

неблагоприятное, что знают из книг или практики про свою болезнь, или, наоборот, недооценивают то, что есть, отмахиваясь от самых, казалось бы, убедительных симптомов, стараясь обосновать свое отношение медицинскими доводами и соображениями.

Впервые симптомы легочного туберкулеза появились у А. П. Чехова в ноябре 1884 г. — в то время, когда он в качестве корреспондента на судебном процессе около трех недель был вынужден сидеть на репортерских скамьях холодного зала Московского окружного суда. 10 декабря 1884 г. Чехов писал редактору журнала «Осколки» Н. А. Лейкину: «Вот уже три дня прошло, как у меня ни к селу, ни к городу идет кровь горлом. Это кровотечение мешает мне писать, помешает поехать в Питер... А когда помогут мне медикаменты, которыми пичкают меня мои коллеги, сказать не могу» [1].

С 1884 г. и до конца 1889 г. кровохарканье у Чехова возобновлялось 11 раз, а вспышки процесса бывали 2—3 раза в год. Это позволяет думать, что ко времени поездки на Сахалин у писателя был выраженный туберкулезный процесс. Чехов знал, чем угрожает ему поездка, об этом свидетельствует его письмо от 10 апреля 1890 г. В. М. Лаврову. В этом письме Чехов отвечает на клеветническую заметку, помещенную в издаваемом Лавровым журнале «Русская мысль», в которой Чехов был назван беспринципным писателем. В письме

Чехова есть следующие строки: «Я, пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь, и у меня нет сил удержаться от ответа» [1]. Приведенные строки показывают, что писатель отдавал себе отчет в трудностях поездки и понимал, что она угрожает ему не только ухудшением здоровья, но и может стоить жизни.

Сдержанный в отношении всяких трудностей о своем пути на Сахалин А. П. Чехов писал: «Резкий ветер, холод, отвратительный дождь... <...> Едем по длинной, узкой полоске земли... Полоска кончается, и мы бултых! <...> Руки заоченели... Из Тюмени выехал я 3 мая, прожив в Екатеринбурге 2—3 дня, которые употребил на починку своей кашляющей... особы». 20 мая писатель отмечает: «Пришлось скакать на лошадях. <...> Только от неспанья и постоянной возни с багажом, от прыганья и голодовки было кровохарканье, которое портило мне настроение, и без того неважное» [2].

Больной туберкулезом, кровохаркающий писатель на тарантасе, верхом на лошади, на плотах, минуя студеные просторы Сибири, посетил 7 тюрем, свыше 80 присутственных мест, около 3 тыс. изб и барачков...

Летом 1893 г. Чехов продолжал работать над книгой «Остров Сахалин», писал «Рассказ неизвестного человека», выполнял обязанности земского врача. «Ездил к больным... Принял 1000 больных...», — сообщал он в письме от 11 ноября 1893 г. издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину.

А болезнь усиливалась. Зимой 1894 г. Чехов решил уехать в Крым. «Тороплюсь, — пишет он А. С. Суворину из Мелихова 16 февраля 1894 г., — потому что кашель донимает... и надоел этот кашель чертовски».

«В особенности, — вспоминала М. П. Чехова, — он беспокоил его по утрам. Прислушиваясь к этому кашлю из столовой, мать Евгения Яковлевна вздыхала и поглядывала на образ.

«Антоша опять пробухал всю ночь», — говорила она с тоской [3].

В Крым Чехов уехал 2 марта и прожил там до 5 апреля. Состояние его не улучшилось.

С неумолимой остротой и силой прогрессирующий туберкулезный процесс дал о себе знать в начале 1897 г. Писателю пришлось думать о том, как вновь менять устоявшийся уклад и строй всей своей жизни.

21 марта 1897 г. погода была отвратительная, чувствовал себя Антон Павлович плохо, нужно было бы отсидеться дома, но он собрался ехать в Москву, думая оттуда направиться в Петербург, где нужно было позировать художнику Бразу. 21 марта в Москву он не поехал — в этот день началось кровохарканье. Утром 22-го тоже чувствовал

себя плохо, но в этот день был съезд сценических деятелей Москвы, и утром он все же уехал. Днем был на съезде в Малом театре, а оттуда вечером пошел с Сувориным обедать в ресторан. Тут у него началось обильное легочное кровотечение, и Суворин отвез его к себе, в гостиницу «Славянский базар». Из суворинского номера Чехов написал записку приятелю, врачу Оболенскому: «Приезжайте, голубчик... Я заболел». Оболенский приехал в тот же вечер с двумя врачами [1].

В дневнике А. С. Суворина есть запись от 24 марта 1897 г.: «Третьего дня у Чехова пошла кровь горлом, когда мы сели за обед в “Эрмитаже”. Он спросил себе льду, и мы, не начиная обеда, уехали. <...> Он испугался этого припадка и говорил мне, что это очень тяжелое состояние. Для успокоения больных мы говорим во время кашля, что он — желудочный, а во время кровотечения, что оно — геморроидальное (из расширенных вен. — В. К.). Но желудочного кашля не бывает, а кровотечение непременно из легких. У меня, — говорил Чехов, — из правого легкого кровь идет, как у брата и другой моей родственницы, которая тоже умерла от чахотки» [4]. (Родственница, дочь дяди писателя Елизавета, умерла в возрасте около 26 лет от туберкулеза. — В. К.)

Запись о «желудочном кровотечении» сделана Сувориным в дневнике в связи с тем, что врачи, приехавшие к Чехову 22 марта, установили именно этот диагноз. Когда врачи уехали, Чехов сказал Суворину: «Говорят врачи мне, врачу, что это желудочное кровотечение! И я слушаю и им не возражаю. А я знаю, что у меня чахотка».

В этот день А. П. Чехов (впервые через 12 лет и 3 мес. после первого кровохарканья) был осмотрен врачами. До этого он оставался один на один со своим недугом.

Утром следующего дня Чехов оделся, разбудил Суворина и сказал, что уходит к себе в гостиницу. «Как я ни уговаривал его остаться, — пишет в дневнике Суворин, — он ссылаясь на то, что получено много писем, что со многими ему надо видиться, и т. п. Целый день он говорил, устал, и припадок к утру повторился» [4].

23 и 24 марта, в воскресенье и понедельник, Чехов продолжал встречаться с различными людьми, писал письма, а 25 марта в 6 часов утра вновь началось кровотечение.

Утром 25 марта Н. Н. Оболенский посетил профессора А. А. Остроумова и, получив у него визитную карточку с надписью «Принять в клинику А. П. Чехова», отвез писателя в больницу.

По записям в истории болезни у Чехова были истощенный вид и длинная узкая грудь. Вес его составлял 3 пуда 36 фунтов (около

62 кг при росте 186 см), в мокроте были найдены бациллы Коха; помимо серьезного поражения верхушек легких врачи отметили также выраженное малокровие. Больного беспокоили потливость, зябкость. Влажные хрипы прослушивались с обеих сторон над и под ключицами и над углами лопаток. Лечили Чехова ассистент Остроумовской клиники А. А. Ансеров и ординатор М. Н. Маслов [5].

Суворин дважды побывал в этот день у Чехова и в дневнике записал: «Как там ни чисто, а все-таки это больница и там больные... Чехов лежит в № 16, на 10 №№ выше, чем его “Палата № 6”, как заметил Н. Н. Оболонский. Больной смеется и шутит по своему обыкновению, отхаркивая кровь в большой стакан. Но когда я сказал, что смотрел, как шел лед по Москве-реке, он изменился в лице и сказал: “Разве река тронулась?” Я пожалел, что упомянул об этом. Ему, вероятно, пришло в голову, не имеет ли связь эта вскрывшаяся река и его кровохарканье? Несколько дней тому он говорил мне: “Когда мужика лечишь от чахотки, он говорит: “Не поможет. С вешней водой уйду”» [4].

В клинике Чехов пробыл 15 дней. Кровохарканье прекратилось на десятый день, и все это время он должен был лежать молча, со льдом на груди.

26 марта приехала из Мелихова Мария Павловна и тут впервые узнала от Ивана Павловича Щеглова о болезни брата. В тот же день она была в клинике. Там она видела сделанный врачами рисунок легких ее брата. «Они были нарисованы синим карандашом, а верхушки их заштрихованы красным» [3]. В последующие дни она регулярно навещает брата.

Посещать Чехова было разрешено только его сестре Марии Павловне, но писателя навестило много лиц, в том числе, что особенно его обрадовало, Лев Толстой.

Видимо, и принимая гостей, и лежа в одиночестве, Чехов думал нелегкую думу: сколько осталось ему еще жизни? В письме Александру Павловичу пошучивает: «Температура нормальная, потов ночных нет, слабости нет, но снятся архимандриты, будущее представляется весьма неопределенным, и, хотя процесс зашел еще не особенно далеко, необходимо все-таки, не откладывая, написать завещание, чтобы ты не захватил моего имущества» [6].

По трезвому размышлению получалось, что жизнь еще не кончилась, что сколько-то он еще протянет. Только вот как теперь строить жизнь? 1 апреля пишет Суворину: «Доктора определили верхушечный процесс в легких и предписали мне изменить образ жизни. Первое я понимаю, второе же непонятно, потому что почти невозможно, велят жить непременно в деревне, но ведь постоянная жизнь в деревне предполагает постоянную возню с мужиками, с животными, стихиями всякого рода, и уберечься в деревне от хлопот

и забот так же трудно, как в аду от ожогов. Но все же буду стараться менять жизнь по мере возможности и уже через Машу объявил, что прекращаю в деревне медицинскую практику. Это будет для меня и облегчением, и крупным лишением. Бросаю все уездные должности, покупаю халат, буду греться на солнце и много есть» [1].

Некоторые биографы писателя указывают, что в клинике Чехова лечил А. А. Остроумов. Но это не так. Остроумов был категорически против пребывания Чехова в Ялте. Но это было в 1903 г., а в 1897 г. и позже, вплоть до 1903 г., Остроумов Чехова не обследовал и не лечил. В письме Чехова к приятелю, врачу Л. В. Средищу, от 2 мая 1897 г. читаем: «Врачи (ординаторы и ассистенты Остроумова, который меня не видел, так как уехал в Сухум) не настаивают на том, чтобы я уехал куда-нибудь тотчас же». В этом же письме (написанном уже после выхода из клиники) Чехов говорит о том, что эскулапы вывели его «из блаженного неведения...». Здесь кажущееся противоречие, кажущееся потому, что, хотя Чехов и был проницательным врачом, он, как обычно все больные, зная, что болен, опасался, что это могут подтвердить со стороны. Может быть, потому Чехов долгие годы и не подвергал себя «зондировке коллег», что не хотел получить подтверждение того, что ему уже было известно.

Теперь диагноз болезни был официально установлен, хотя самому Чехову он был ясен еще в начале 1890-х гг. Так, 24 августа 1893 г. Чехов писал Суворину: «Сегодня ночью у меня было жестокое сердцебиение, но я не струсил <...> потому что все эти ощущения вроде толчков, стуков, замираний и проч. ужасно обманчивы». Чехов знал, что для него страшны не сердцебиение и перебои, а страшен другой враг, и далее высказал очень верную и глубокую мысль: «...Враг, убивающий тело, обыкновенно подкрадывается незаметно, в маске, когда Вы, например, больны чахоткой и Вам кажется, что это не чахотка, а пустяки. <...> Значит, страшно то, чего Вы не боитесь; то же, что внушает Вам опасения, не страшно. <...> Все исцеляющая природа, убивая нас, в то же время искусно обманывает, как нянька ребенка, когда уносит его из гостиной спать. Я знаю, что умру от болезни, которой не буду бояться». Пророческие строки...

В конце апреля в Мелихово приехал Иван Павлович Щеглов. Он вспоминал об этом посещении: «Я прямо ужаснулся перемене, которая произошла в Чехове... Лицо его было желтое, изможденное, он часто кашлял и зябко кутался в плед, несмотря на то, что вечер был на редкость теплый...»

Чехов тогда сказал Щеглову: «Знаете, Жан, что мне сейчас надо?.. Год отдохнуть! Ни больше, ни меньше. Но отдохнуть в полном смысле... понимаете, один только год передышки, а затем я снова

примусь работать, как каторжный!» 10 апреля Чехов выписался из клиники и 11-го вместе с Иваном Павловичем приехал в Мелихово. Надо было начинать жить по-новому. Как будто бы так оно и происходит. 17 апреля он пишет: «Я ничего не делаю, кормлю воробьев конопляным семенем и обрезаю по одной розе в день. После моей обрезки розы цветут роскошно. Хозяйством не занимаюсь» [7] На деле, однако, никакой новой жизни не получалось. Своих общественных обязанностей он не оставил. Хлопоты по строительству школы, выезды на экзамены в роли попечителя продолжают. В июле его вновь избирают гласным земского собрания на очередные три года, а до этого, когда он был еще в больнице, утверждают помощником серпуховского предводителя дворянства по наблюдению за начальными народными училищами.

Лето 1897 г. Чехов провел так, как будто не было катастрофы в «Эрмитаже» и клиники Остроумова, хотя прекрасно понимал, что сейчас для него самое основное — покой.

А здоровье между тем вновь ухудшается — усиливается кашель. «Я решительно не знаю, что с собой делать и что полезно для моего здоровья: конституция или севрюжина с хреном», — шутит он. Наконец, принимает решение: в конце июля 1897 г. едет в Петербург, затем 31 августа — в Москву, а оттуда — за границу.

С сентября 1897 г. по май 1898 г. Чехов жил вначале в Биаррице на берегу Бискайского залива, а затем в Ницце. Здесь отдыхало много русских интеллигентов.

В пансионате комната Чехова находилась рядом с комнатой писателя Василия Ивановича Немировича-Данченко. Последний вспоминал: «Чехов сказал: “Я только что из Ментоны. Сидят на берегу в креслах чахоточные и плюются. А море, здоровое, сильное, смелое, спокойно катится к ним... У кресел с больными — жены и мужья... Хорошо бы написать, как они ненавидят больных, как рабы, прикованные в галере... И только природе нет дела ни до тех, ни до других...”»

В сознании писателя шла постоянная борьба между верой в то, что он еще будет жить, и пониманием своей обреченности.

«Чехов в Ницце очень много и мучительно работал, — вспоминал В. И. Немирович-Данченко, — но терпеть не мог, чтобы говорили об этом» [8].

Чехов написал в этот период рассказы «Печенег», «В родном углу», «На подводе». Живя вдали от родины, он участвовал в литературной жизни и в делах медицинской общественности России. Осень и зима, проведенные на юге Франции, мало что изменили в состоянии здоровья Антона Павловича. «Кровь идет помалу, — пишет он в ноябре Л. И. Сувориной, — но подолгу, и последнее кровотечение, которое продолжается и сегодня, на-

чалось недели три назад... Домой я пишу, что я совершенно здоров, и иначе писать нет смысла...» В декабре А. С. Суворину: «По случаю крови сижу дома, как под арестом... Скучно и грустно мне жить одному». В январе 1898 г., накануне своего дня рождения, пишет Марии Павловне: «Мне стукнуло уже 38 лет; это немножко много, хотя, впрочем, у меня такое чувство, как будто я прожил уже 89 лет». Возвращаться в Россию решил в апреле, но Мария Павловна писала о дурной погоде и просила не торопиться». В Ницце Чехов прожил с 23 сентября 1897 г. по 12 апреля 1898 г. Общие итоги пребывания на курорте были неутешительны. «Я здоров, — пишет он 13 марта, — но не стал здоровее, чем был; по крайней мере, в весе не прибавился ни капли и, по-видимому, уже никогда не прибавлюсь» [9]. 5 мая 1898 г. Чехов вернулся в Мелихово.

Весной был написан «Ионыч», летом — трилогия: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви». Начинается сентябрь, погода плохая, досаждают кровохарканье, надо уезжать на юг, писатель медлит...

9 сентября Антон Павлович едет в Москву, а оттуда 15 сентября — в Ялту. 17-го он в Севастополе, а 18-го уже в Ялте, где останавливается вначале на даче Бушева, а затем в октябре две недели живет у И. Н. Альтшуллера.

С середины ноября Антон Павлович приступил к постройке дачи на приобретенном им участке в Аутке, недалеко от Ялты.

Много писалось и об особенностях восприятия болезни больных туберкулезом. Но и среди последних можно наблюдать такие же разнообразные характеры и типы, как и среди страдающих другими болезнями. Только здесь под влиянием некоторых особенностей течения болезни, ее часто медленного развития и длительности и созданных этими особенностями особых условий указанное выше ненормальное отношение к болезни сказывается особенно резко. Чехов является ярким примером длительного и упорного игнорирования, казалось бы, ясных и бесспорных явлений.

Вот что пишет Исаак Наумович Альтшуллер, сам болевший туберкулезом, недавно переселившийся «с севера на юг» и ставший лечащим врачом Чехова в ялтинский период жизни писателя: «...Первое время нашего знакомства о его болезни разговора не было, и осторожные мои и доктора Орлова (И. И. Орлов заведовал лечебницей Московского губернского земства близ нынешнего Солнечногорска. — В. К.) попытки коснуться этого вопроса успеха не имели; и во время нашей короткой совместной жизни он нередко обращал внимание на мой кашель и серьезно советовал мне заняться своим здоровьем, но тщательно избегал касаться своего недуга. 27 ноября, вскоре после моего возвращения из краткой отлучки на север, мне рано

утром подали доставленную от Чехова в запечатанном конверте записку: “Cher monsieur, auriez vous l’obligeance de venir chez moi. Je garde le lit. Votre devoue A. Tch.)”, и после этих изысканных французских строк по-русски: “Захватите с собой, товарищ, стетоскопчик и ларингоскопчик”. Ларингоскопчика я не захватил, поняв, что это лишнее, но поспешил к нему и застал его в постели с порядочным кровохарканьем. И с этого дня он становится уже моим пациентом. Когда через несколько дней после остановки кровохарканья я мог детально его исследовать, то был поражен найденным. Я нашел распространенное поражение обоих легких, особенно правого, с явлениями распада легочной ткани, следы плевритов, значительно ослабленную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание...» [10]

Суворин, имевший возможность близко наблюдать Чехова во время их совместных путешествий и частых встреч, настаивал на необходимости лечиться, и Чехов в своих письмах к нему хотя и подтверждает наличие кашля и кровохарканья и признает, что последние пугают его, так как «в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как и зареве», но тут же наставительно, как врач, поучает, что «чахотка или иное серьезное легочное страдание узнается только по совокупности признаков, а у меня-то именно нет этой совокупности» (из письма А. С. Суворину от 14 октября 1888 г.).

И в другом письме: «Если бы кровотечение, какое у меня случилось в окружном суде (на знаменитом процессе скопинского банка), было симптомом чахотки, то я давно уже был бы на том свете, вот моя логика». В 1889 г. умер от туберкулеза брат Чехова Николай, художник, но и это не подействовало, и в 1891 г. он пишет: «Я продолжаю тупеть, чахнуть и кашлять. Впрочем, все это от Бога. Лечение и забота о своем физическом существовании внушает мне что-то близкое к отвращению. Лечиться не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя какому-нибудь врачу не позволю».

И не позволял себя выслушивать, и не обращался к врачам: до весны 1897 г. (почти 15 лет!), когда хлынувшая за обедом с Сувориным в «Славянском базаре» обильная кровь и вмешательство Суворина и врача заставили его лечь в клинику профессора Остроумова, где был диагностирован активный процесс в обоих легких. И вот теперь в Ялте ему опять пришлось обратиться к врачу. Однако старания убедить Чехова в необходимости приняться серьезно за лечение сначала опять оставались без особого результата. Он упорно повторял, что лечиться, заботиться о здоровье внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был ее замечать. Поэтому и выработал он такую манеру говорить, не повышая голоса, медленно, и если уж

приходилось кашлять, то мокрота по возможности незаметно отплевывалась в маленький заранее приготовленный бумажный фунтик, тут же спрятанный где-нибудь за книгами и отправляемый потом в камин. И не только с посторонними не любил он говорить о своей болезни, но от своих домашних скрывал свои немощи, никогда не жаловался и на вопрос «Как себя чувствуешь?» отвечал: «Сейчас хорошо, почти здоров, только вот кашель».

17 января 1900 г. Чехову исполнилось 40 лет. Этот день принес ему приятную новость — он получил известие, что 8 января избран почетным академиком. Но радости было мало. Антон Павлович хворал. Марии Павловне он сообщает: «В Ялте туман. День моих именин прошел в угрюмом молчании, я был нездоров». А несколько раньше: «Вчера было 17-е янв[аря] — мои именины и избрание в академии. Сколько телеграмм! А сколько еще будет писем! И на все надо отвечать, а то потомство обвинит в незнании светских приличий». Так начинался для Чехова первый год нового — двадцатого — века: в ореоле все более широкого признания и растущей славы, которая, однако, делала еще более мучительным его невольное ялтинское затворничество.

В начале 1901 г. А. П. Чехов принимает решение о бракосочетании с актрисой Художественного театра Ольгой Леонардовной Книппер, с которой писателя связывало несколько лет нежной дружбы. В одном из писем к ней он, предлагая после свадьбы поехать по Волге, потом через Астрахань на Кавказ или по Северной Двине в Соловки, пишет: «Затем всю или большую часть зимы я буду жить в Москве, с тобой на квартире. Только бы не киснуть, быть здоровым. Мой кашель отнимает у меня всякую энергию, я вяло думаю о будущем и пишу совсем без охоты. Думай о будущем ты, будь моей хозяйкой, как скажешь, так я и буду поступать, иначе мы будем не жить, а глотать жизнь через час по столовой ложке» [11].

Да, кашель, все тот же зловещий кашель не прекращался и в эти дни. Что он сулил ему? «Только бы не киснуть, быть здоровым...» Есть ли на это хоть какая-нибудь надежда? Приехав в Москву 11 мая, 16-го — направляется на освидетельствование. Несколько позже Чехов так рассказал об этом А. Ф. Кони: «В Москве доктор Щуровский — очень хороший врач — нашел у меня значительные ухудшения; прежде у меня было притупление только в верхушках легких, теперь же оно спереди ниже ключицы, а сзади захватывает верхнюю половину лопатки» [12].

Заключение было убийственное. Ни Ялта, ни Ницца не приостановили процесс, напротив, он шел — и шел угрожающе быстро. Сомнений для Чехова-врача больше не оставалось. Дни его действительно были сочтены. Сколько еще оставалось прожить? Он не знал этого, но отчетливо понимал — оставшийся отрезочек жизни очень невелик,

катастрофически мал. Нужно было по-хозяйски распорядиться им, и Чехов распорядился: 25 мая 1901 г. состоялась их свадьба в церкви Воздвижения на Овражке, в Воздвиженском переулке на Плющихе, в тот же день писатель вместе с женой уехал в Аксеново Уфимской губернии, в санаторий.

Эта поездка пользы не принесла. Чехов нуждался в покое, моральном и физическом, а ему пришлось проделать настолько трудное путешествие, что он сравнивал его с поездкой на Сахалин. «...Это ужасно, — писал он 28 мая А. М. Горькому с пристани Пьяный Бор на Каме, — это похоже на мое путешествие по Сибири...»

Однако, несмотря на красоту природы, кумыс, который писатель пил по четыре бутылки в день, в санатории — «скверном, примитивно устроенном» — писатель скучал. В письмах он жалуется, что публика окружает его неинтересная, санаторная обстановка кажется гнетущей. Уже 23 июня пишет: «Надоело здесь ужасно, живу точно в дисциплинарном батальоне, скучища, хочется удрать...»

9 июля писатель с женой возвращается в Ялту. Ему становится, как обычно при возвращении в Крым, несколько хуже. Возвращаясь в Крым, Антон Павлович иллюзиями себя не тешил. Сообщая из Аксенова, что набрал 10 фунтов, он тут же добавлял: «...Но все же домой я вернусь с тем, что и было у меня, то есть с притуплением ниже ключицы...» В Ялту Чехов торопился не только потому, что надоел санаторий. Предполагал, что там, наконец, засядет за работу. К сожалению, надежды эти не оправдались. В Ялте почувствовал себя плохо. 24 июля пишет Горькому: «В Аксенове чувствовал себя сносно, даже очень, здесь же, в Ялте, стал кашлять и проч., и проч., отощал и, кажется, ни к чему хорошему не способен» [13].

17 сентября 1901 г. Чехов приехал в Москву и сразу же включился в репетиции «Трех сестер» в художественном театре, а на следующий день просит профессора Щуровского принять его. «Мне хочется рассказать вам кое-что о кумысе...», — пишет он в письме. Почему-то Щуровский не ответил на него, и 25 сентября Чехов вновь пишет доктору: «...Мне нужно... десять минут, не больше».

Доктор его не принял.

В конце сентября Чехов пишет, что не здоров и безвыходно сидит дома, а 15 октября признает, что здоровье его развинтилось и надо уезжать на юг. Прожив полтора месяца в Москве, 28 октября Чехов возвратился в осеннюю хмурую Ялту, в не приспособленный для зимы холодный дом. 10 декабря 1901 г. у него возобновилось кровохарканье, которое надолго уложило его в постель.

Зимы 1901—1902 и 1902—1903 гг. он почти все время плохо себя чувствовал, преодолевал те или

другие обострения. К концу этого периода он очень изменился и внешне. Цвет лица приобрел сероватый оттенок, губы стали бескровны, он еще больше похудел и заметно поседел. Деятельность сердца ухудшалась, процесс в легких все расплзался. Стала все резче проявляться одышка, появились симптомы туберкулезного поражения кишок.

Сознавал ли сам Антон Павлович в глубине души свое положение? Видимо, да. В марте 1901 г., то есть еще до венчания, Антон Павлович писал Ольге Леонардовне: «...Да и здоровье мое становится, по-видимому, совсем стариковским, так что ты в моей особе получишь не супруга, а дедушку, так сказать». Старый друг чеховской семьи, прекрасно всех их знавшая Т. Л. Щепкина-Куперник, в своих воспоминаниях описывает свое посещение в Москве, относящееся к осени 1902 г.: «Я изумилась происшедшей в нем перемене... Он горбился, зябко кутался в какой-то плед и, то и дело, подносил к губам баночку для сплевывания мокроты...» [11]

Зима 1902 г. началась острым правосторонним плевритом, уложившим Чехова надолго в постель. Зимой в Ялте было не только одиноко и неудобно, но и трудно для больного. Когда погода портилась, дул холодный ветер, в кабинете Антона Павловича температура не поднималась выше 11 °С. Не спасала и печь. Если сесть к ней спиной, спину обдавало жаром, а руки мерзли. Что же, неудивительно, что у него так часто бывал плеврит. Мучил Чехова и застарелый тяжелый колит. Нужна была строгая диета, которая выдерживалась, когда на каникулах была Мария Павловна. Но она уезжала, писатель оставался на попечении двух добрых старушек, а они систематически, от доброты души своей, давали ему пищу, совершенно для него непригодную. В Москву же Чехов писал утешительные письма: «Здоровье совсем хорошо. Компресс уже снял вчера. Завтра Альтшуллер поставит две мушки, и шабаш, лечение кончено. Ем теперь много и аппетитом могу похвастаться». 12 октября 1902 г. Чехов уезжает в Москву. «Здоровье мое, — пишет он из Москвы журналисту В. С. Миролубову, — очень поправилось, чувствую я себя прекрасно и потому бежал из теплых краев...»

Во второй половине ноября писатель возвращается в Ялту — и опять тоска по Москве, и снова обострение.

Только к концу января 1903 г. «после долгого заточения» писатель вышел на ялтинскую набережную. Но ходить ему уже трудно. «Теперь с каждым годом я устаю все больше и больше. Пишу рассказ («Невеста». — В. К.), но медленно, через час по столовой ложке», — пишет он в письме к жене от 30 января 1903 г. В кабинете писателя, как и в прошлые зимы, холодно и неудобно. Температура воздуха — около 15 °С. Тяжелое состояние здоровья

заставляет писателя еще острее чувствовать свое одиночество. Он старается прятать свою тоску, но не всегда это ему удается.

«Время идет быстро, очень быстро! Борода у меня стала совсем седая, и ничего мне не хочется. Чувствую, — пишет он жене, — что жизнь приятна, а временами неприятна, и на сем я остановился и не иду дальше...» Сколько скрытой боли в этих строках. Тяжелобольной и одинокий человек сидит за письменным столом. А перед ним одно и то же: слоны — черные и белые (статуэтки на столе писателя. — В. К.).

Близко знавший Чехова поэт Владимир Ладженский писал, что Чехов никогда не жаловался матери и сестре и не только им, но и вообще никому на свою болезнь.

А. Ф. Кони вспоминал, что, когда Чехову задавали вопрос о его здоровье, он в ответ обычно задавал встречный вопрос из другой области.

«Он пятнадцать лет был болен, — писал И. А. Бунин, — изнурительной болезнью, которая неуклонно вела его к смерти; но знал ли это читатель — русский читатель, который слышал столько горьких писательских воплей? Было поистине изумительно то мужество, с которым болел и умер Чехов. Даже дома в дни его самых тяжелых страданий часто никто не подозревал о них» [7].

Наступил 1903 г. Пришла весна... Чехов начал выходить в город, но одышка стала сильнее, он очень исхудал. «Вероятно, я очень изменился за зиму, — пишет он 14 марта жене, — потому что все встречные поглядывают сочувственно и говорят разные слова...» Чехов собирается в Москву, а это в его вынужденной ялтинской «ссылке» всегда было большой радостью.

24 апреля 1903 г. Чехов приехал в Москву. В Москве снял новую квартиру. «Есть своя комната, — радуется писатель, — это очень важно... Но вот беда: подниматься по лестнице! А у меня в этом году одышка. Ну, да ничего, как-нибудь взберусь». В письме к матери, Евгении Яковлевне, он пишет 28 апреля 1903 г.: «Живут наши очень высоко, на третьем этаже, так что подниматься мне приходится с большим трудом». (Нужно при этом учесть, что третий этаж московских старых квартир соответствует современному пятому этажу.)

В мае 1903 г. окончательно договорились с Ольгой Леонардовной, что лето они проведут за границей, но перед этим Чехов сходил на консультацию к профессору А. А. Остроумову. Заключение профессора все эти планы опрокинуло. В тот же день, 24 мая, Антон Павлович писал сестре в Ялту: «...Сегодня был у профессора... он долго выслушивал меня, выстукивал, ощупывал, и, в конце концов, оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение

легких (эмфизема) и катар кишок и проч., и проч. Он прописал мне пять рецептов, а главное — запретил жить зимою в Ялте, находя, что ялтинская зима вообще скверна, и приказал мне проводить зиму где-нибудь поблизости Москвы, на даче. Вот тут и разберись!» И в этом же письме: «Здоровье мое в общем недурно, жаловаться не на что. Обещаю хорошо». План поездки за границу А. А. Остроумов отверг самым решительным образом, заявив Чехову: «Ты же калека».

Заключение Остроумова ошеломило Чехова.

«Если Остроумов прав, — пишет он, — то зачем я жил четыре зимы в Ялте? Моя супруга засуетилась теперь, ищет усадьбу». Но задача эта была непростая. «Где я найду, — пишет он в другом письме, — под Москвой такую, в которой можно было бы не околеть от холода и всяческих неудобств?» Чуть позже пишет Лаврову: «А когда я поселюсь под Москвой и начну тут привыкать, меня доктора пошлют опять в Крым или в Каир» [7].

Во всяком случае от намерения поехать в Швейцарию Чеховы отказались и в конце мая переехали в просторный флигель под Москвой, в имение Якунчиковой, в 1—1,5 верстах от станции Нара Брянской железной дороги. Была там и река, и старая часовня. Было много рыбы. Здесь Чехов завершил переделку рассказа «Невеста» и продолжил работу над «Вишневым садом». 7 июля распрощались с дачей и уехали с Ольгой Леонардовной в Ялту, где она была до 19 сентября.

Что сказать о последнем периоде жизни Чехова?

Ошибкой была рекомендация врачей переехать в Ялту. Больной чахоткой должен жить в условиях, к которым привык. Чехов привык к подмосковной зиме, к подмосковному лету. Тем более что зимние месяцы, в которые Чехову рекомендовали жить в Крыму, являются там самыми неблагоприятными в климатическом отношении.

В Ялте всегда были энтузиасты лечения крымским климатом, которые считали, что он живителен для всех туберкулезных больных. К таким энтузиастам относился и лечивший Чехова И. Н. Альтшуллер. Когда писатель переехал в Ялту, он не производил впечатления больного человека. Об этом свидетельствуют И. А. Бунин, А. И. Куприн и другие его современники [7]. Трудно не согласиться с предположением Альтшуллера о том, что ухудшение здоровья писателя в Ялте было связано с его частыми выездами в Москву. Перемены климата, возможно, и могли отразиться на его состоянии, но, если проследить жизнь Чехова на протяжении ялтинского периода, то окажется, что он выезжал из Крыма не чаще двух раз в год, причем, как правило, не в зимние месяцы. Нужно полагать, что основная причина ухудшения здоровья Чехова в последние годы заключалась не столько в выездах

в Москву, сколько в отрыве от нее. Врач и писатель С. С. Голоушев (Сергей Глаголь) еще в 1900 г. писал Чехову: «Если Вы чувствуете себя здесь (в Москве. — В. К.) хорошо духом, то и еще больше резона не уезжать. Ведь хороший дух, право, стоит хорошего климата». «Кто скажет, — писал В. Г. Короленко, — какую роль в физической болезни играла та глубокая разъедающая грусть, на фоне которой совершались у Чехова все душевные, а значит, и физические процессы...» [14]

С. Я. Елпатьевский отмечал, что он не встречал человека, так влюбленного в Москву, как был влюблен в нее Антон Павлович. Он считал, «...что именно московский воздух в особенности хорош и живителен для туберкулезных легких» [7].

29 января 1904 г. в день рождения Чехова состоялось первое представление «Вишневого сада». Писатель стоял на сцене исхудавший до крайности с бледным восковым лицом и запавшими глазами...

15 февраля Антон Павлович уезжает в Ялту. Там вновь чувствует себя плохо. 20 апреля пишет: «У меня расстройство кишечника и кашель, и это тянется уже несколько недель; и мне кажется, что всему этому немало способствует здешний климат, который я люблю и презираю, как любят и презирают хорошеньких, но скверных женщин».

1 мая 1904 г. Чехов выезжает из Ялты в Москву, а 3 мая, приехав в Москву и, видимо, простудившись в дороге, надолго слег. 20 мая началось обострение заболевания, появились плеврит, острые боли в ногах. 21 мая 1904 г. приятель Чехова, журналист Виктор Александрович Гольцев, писал Марии Павловне Чеховой: «...Здоровье Антона Павловича колеблется: то лучше, то хуже. Был у него вчера, буду сегодня, боялся утомлять его рукописями, но он их требует, говорит, что скучает» [7].

Чехов уезжал из Ялты в уверенности, что купит дачу в Царицыне под Москвой. Ведь жить в Подмоскovie рекомендовал ему А. А. Остроумов, которому он очень верил. Дача была подыскана еще ранней весной, но Ольга Леонардовна была против ее покупки, мотивируя это тем, что в Царицыне якобы «лихорадка».

Дача в Царицыне куплена не была, а около писателя появился некий малоизвестный доктор Таубе — немец, знакомый семьи Ольги Леонардовны. Этот доктор, ученик берлинского диетолога Эвальда, начал лечить писателя овсянкой, какао, питательными смесями по рецептуре Эвальда и морфием. Таубе рекомендовал Ольге Леонардовне повезти Антона Павловича на немецкий курорт Баденвейлер. По этому поводу И. Н. Альтшуллер писал: «Ни один из знавших и лечивших его раньше врачей не был привлечен, ни д-р Щуровский, ни

проф. Остроумов. Последний ведь еще раньше решительно высказался против всяких заграничных поездок». В Баденвейлере практиковал приятель доктора Таубе — Шверер. Уже из Баденвейлера Чехов сообщал: «Доктор Шверер... служит божком для нашего Таубе... То же глупое какао, та же овсянка». Почему писатель, сам врач, не спорит и соглашается ехать? Ведь профессор А. А. Остроумов вряд ли одобрил бы такой совет. Но Чехов не спорил, как не спорил с Остроумовым, а потом приехал в Ялту с Альтшуллером, который решительно отверг рекомендации московского светила. Что уж тут было спорить! Врач Чехов хорошо понимал, что происходящее с ним неотвратимо, и мужественно шел к неизбежному финалу. Накануне отъезда Чехова за границу его посетил Н. Д. Телешов. «Хотя я и был подготовлен к тому, что увижу, — писал Телешов, — но то, что я увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться. А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит: “Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать... Поклонитесь от меня товарищам... Пожелайте им от меня счастья и успеха. Больше уже мы не встретимся”» [7].

3 июня 1904 г. Антона Павловича увезли в Баденвейлер.

«Перед отъездом Антон Павлович уговаривал меня, — пишет И. Н. Альтшуллер, — в начале моего отпуска в конце мая заехать в Москву, чтобы, шутя прибавил он, “спасти его от немцев”» [10].

Увы! В этой шутке Чехова оказалось много печальной истины.

Чехову, каким бы он ни был проницательным врачом, как бы глубоко он ни был осведомлен о своей болезни, все же была свойственна общечеловеческая психология, основой которой является надежда на жизнь. Пусть эта надежда невелика, пусть она даже ничтожна, но в сознании больного она разрастается и заслоняет временами все остальное. В том тяжелейшем состоянии, в каком был Чехов, больные соглашались на все, что дает хоть малейшую надежду на облегчение их страданий. Поэтому писатель и согласился с доводами жены о поездке в Германию. Но Чехову нельзя было ехать, ему необходим был абсолютный покой, необходимо было максимально щадить свои силы. Врач, посылавший столь тяжелого больного в далекую поездку с неизбежными пересадками, паровозным дымом, гостиницами,

летней жарой, должен был понимать, что все это могло ускорить развязку.

Поездка в Баденвейлер не была оправдана ни с врачебной, ни с общечеловеческой точки зрения. Это, к сожалению, осознала жена писателя уже перед самой его кончиной. «Если бы я могла предвидеть или если бы Таубе намекнул, — писала она Марии Павловне Чеховой, — что может с сердцем сделаться или что процесс не останавливается, я бы ни за что не решилась ехать за границу». Корреспондент «Русских ведомостей» Г. Б. Иоллос сообщал, что Чехова по приезде в Германию очень мучила одышка. «В Берлине ему трудно было подняться на маленькую лестницу Потсдамского вокзала, несколько минут он сидел обессиленный и тяжело дышал» [7].

Однако по приезде в Германию Чехов пишет бодрые письма. «Здоровье с каждым днем все лучше и лучше...» Это из Берлина 6 июня: «Здоровье мое поправляется, входит в меня пудами, а не золотниками. Ноги уже давно не болят, точно и не болели, ем я помногу и с аппетитом, осталась только одышка от эмфиземы и слабость от худобы, приобретенной мною за время болезни» [1].

В Баденвейлер Чехов с женой приехал 9 или 10 июня. Первые дни он чувствовал себя бодрее, говорил о своих планах, мечтал о путешествии по Италии, хотел вернуться в Ялту через Константинополь. Это была реакция эмоционального подъема. Затем появились беспокойство, какая-то торопливость. Комната в пансионе ему не понравилась, вместе с женой он переехал в частный дом, и там повторилось то же самое: пара

спокойных дней, затем снова желание уехать куда-нибудь подальше...

С первых дней пребывания в Баденвейлере Чехов страдал от неимоверной жары, усилившей его тяжелую одышку. Он понимал, что лечение диетой, которое ему применяют, ничего не даст. «Во всем этом много шарлатанства», — писал он 16 июня своей сестре. Но вместе с тем он радовался, что здесь имеет возможность лечиться его жена: «Ольга уехала сейчас в Швейцарию, в Базель, лечить свои зубы» [1].

Через несколько дней в письме к Марии Павловне он заметил, что лечение его «мало чем отличается от московского». Ему было совершенно ясно, что поездка за границу была ненужной, но его продолжало радовать, что поездка оказалась полезной для его жены. Жизни ему оставалось несколько дней, а он писал: «Ольга починила себе зубы изумительно хорошо, на всю жизнь...»

Александр Блок, прочитав письма Чехова, записал в своем дневнике: «Предсмертные письма Чехова — вот что внушило мне на днях действительный ночной ужас. Это больше действует, чем “уход” Толстого. “Ольга поехала в Базель лечить зубы”, “...теперь все коренные — золотые, на всю жизнь”. Сначала — восхищение от немцев, потом чувство тоски и безвкусицы...» [5].

Во вторник, 27 июня, у Чехова появились признаки ослабления деятельности сердца. Ассистент Шверера доктор Винтер рассказывал, что этот первый приступ сердечной слабости показался Чехову весьма опасным. Уверенным тоном он сказал: «Теперь уж мне осталось недолго жить».

Балкон комнаты, в которой умер А. П. Чехов. На табличке надпись «Здесь жил Антон Чехов в июле 1904»

Под влиянием приемов наперстянки и впрыскиваний камфоры Чехову стало несколько легче, но в среду произошел второй, еще более тяжелый приступ.

1 июля 1904 г., за 10—12 ч до смерти Чехова, Ольга Леонардовна писала его сестре: «Все время здесь он себя чувствует нехорошо, кашлял все время, ночи мучительные...» [11]

В первом часу ночи 2 июля Чехов проснулся от очень затрудненного дыхания и впервые в жизни попросил ночью вызвать врача. Затем он впал в забытие, стал бредить. Так продолжалось несколько минут. Потом бред прекратился. Чехов, по словам Ольги Леонардовны, начал «маяться», его поташнивало, он стал жаловаться на жесткую постель...

В эти минуты еще раз проявился необычайный такт Чехова. Когда писатель почувствовал, что жизненные силы его оставляют, он взглянул на жену и тихо сказал: «Я умираю...» Но около кровати стоял врач, который не понимал по-русски. Поэтому Чехов перевел ему: «Ich sterbe».

После этого писатель спокойно склонился на бок, и вскоре сердце остановилось.

Не стало человека, чья жизнь была трудной, но большой и светлой, как все его творчество.

Во время похорон А. П. Чехова студенты Московского университета, взявшись за руки, образовали на протяжении многих кварталов цепь, охранявшую траурную процессию.

Чехова помнили, помнят и будут помнить не только студенты прошлых, настоящих и будущих поколений, но весь читающий мир как великого гуманиста, писателя и врача.

Контактная информация:

Коровкин Валентин Сергеевич — д. м. н., профессор кафедры пульмонологии и фтизиатрии с курсом аллергологии, иммунологии и профпатологии.

Институт повышения квалификации и подготовки кадров здравоохранения учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет».

Ул. П. Бровки, 3, к. 3, 20013, г. Минск.

Сл. тел. +375 17 265-21-35.

Конфликт интересов отсутствует.

9 771027 721001 2 4008

Адрес редакционно-издательского сектора:

ул. Фабрициуса 28, 220007, г. Минск

Телефоны: +375 17 368-21-66, +375 17 368-21-48

E-mail: zdrav1924@gmail.com

С информацией «К сведению авторов» можно ознакомиться на сайте www.mprcm.by

Учреждение не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

При использовании материалов журнала ссылка на «Здравоохранение» обязательна.

Подписные индексы:

для организаций — 749122,

для индивидуальных подписчиков — 74912

ЛИТЕРАТУРА

1. Из архива Чехова А. П. / Публ. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей. — М., 1960. — 261 с.
2. Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский, Б. П. Буратов. — Ю.-Сахалинск, 1957. — 97 с.
3. Чехова, М. П. Из далекого прошлого / М. П. Чехова. — М., 1960. — 294 с.
4. Суворин, А. С. Дневник А. С. Суворина / ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. — М.; Петроград: Л. Д. Френкель, 1923. — 407 с.
5. Меве, Е. Б. Страницы из жизни А. П. Чехова / Е. Б. Меве. — Харьков, 1959. — 110 с.
6. Письма к А. П. Чехову его брата Александра Чехова. — М.: Соцгиз, 1939. — 568 с.
7. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М.: Худ. лит., 1986. — 735 с. — (Литературные мемуары).
8. Немирович-Данченко, В. И. Памятка об А. П. Чехове / В. И. Немирович-Данченко // Чеховский юбилейный сборник. — М., 1910. — С. 395—405.
9. Чехова, М. П. Письма к брату А. П. Чехову / М. П. Чехова. — М.: Худ. лит., 1954. — 235 с.
10. Альтшуллер, И. Н. Еще о Чехове / И. Н. Альтшуллер / Литературное наследство. — М., 1960. — Т. 68. — С. 681—702.
11. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова: в 2 ч. — М.: Искусство, 1972. — Ч. 1: Воспоминания и статьи. Перепи-ска с А. П. Чеховым (1902—1904). — 448 с.
12. Кони, А. Ф. Воспоминания о Чехове / А. Ф. Кони. — Ленинград: Атеней, 1925. — 28 с.
13. М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания / подготовка текста, комм. П. И. Гитович; вступ. ст. И. В. Сергеевского. — М.: Гослитиздат, 1951. — 288 с.
14. А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка / ред. и вступ. Н. К. Пиксанова; комм. Л. М. Фридекса. — М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1923.

Поступила 07.05.2024

Принята к печати 17.06.2024

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 562 от 09.09.2016, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Информация, реклама Т. П. Вронская
Верстка: Н. М. Сыдыков, В. И. Гончаров
Редакторы: Е. М. Бильдюк, С. А. Голдарь

Дизайн обложки Сергей Саркисов

Подписано в печать 05.08.2024. Тираж 967. Зак. 711.
Государственное предприятие «СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. Веры Хоружей, 13/61, 220123, г. Минск.